

— Ленинград, 2 января 1979 г.

Дорогой Сашок!

— Сессия моя кончилась. Блаженствую. Новый Год спокойно встретил во сне: никуда не пошёл и к себе никого не звал.

— Сегодня пришло твоё письмо от 22 декабря (вышло из Калининграда только 29-го). Попробую прокомментировать его так же, как это было сделано с твоим предыдущим письмом.

— Ты: "Попробую (для твоей проверки, правильно ли я тебя понимаю) своими словами сформулировать суть твоих последних писем. Итак, эта суть мне представляется в следующем.

— Если смысл (= разумная цель) моей эмпирической (я, правда, другой не знаю, но это, конечно, не означает, что другой, неэмпирической жизни нет) жизни есть, то он лежит вне этой самой моей эмпирической жизни и вне времени (и в этом смысле является вечным). При этом он должен принадлежать мне, а я, соответственно, быть причастен к нему и, ещё раз, соответственно, к вечной неэмпирической жизни. Во всём этом утверждении я не вижу никаких логических изъянов".

Я: Согласен с каждым словом.

— "Но всё же я не всегда тебя понимаю, особенно это касается слова "благо"; мне кажется, что ты употребляешь его в разных смыслах. Если можешь, поясни, какой смысл ты вкладываешь в это слово в первую очередь".

— Действительно ли так важным оказалось определение блага? Может быть: ведь с этого мы начали. Вспомним определение спасения у Аверинцева: "предельно желательное состояние человека, характеризующееся избавлением от зла..." Т.о., учитывая, что благо (или добро - субстантивированное краткое прилагательное среднего рода, das Gute, le bon, благая, bonum, αγαθον), имея антоним в зле (родственная форма, das Bose, le mal, лукавый (или лукавая, злая), malum, πονηροζ (ον), определяет спасение, мы должны задаться вопросом об определении самого блага, чтобы наши размышления о спасении не потеряли под собой почву.

— И всё же, честно признаюсь, я не могу определить, что такое благо. Значит ли это, что понятие блага лишено содержания? Конечно, нет. Напротив. Рассмотренное предельно абстрактно, обладая бесконечным объёмом, благо отождествляется с бытием, и, таким образом, ускользает от всякого внешнего определения, ибо "внешнего" для бытия просто не существует. Тогда оно определяется в-себе: "благо", "истинно сущее", "Бог", "совершенство".

— Рассмотренное предельно конкретно, благо обладает нулевым объёмом, но зато бесконечно содержательно, и поэтому тоже не может быть чётко определено: на него можно лишь указать. Например, "наконец, я согрелся" и т.п. Это так же, как я, например, не могу определить, что такое "Лев Толстой".

— Для меня лично благо - это просто благо, т.е. хорошо - и всё тут. Во всех отношениях хорошо. Так хорошо, что нет и не может появиться сомнений в том, что хорошо. Благо переживается, а не созерцается, поэтому оно и не может быть подвергнуто операции определения (или, наоборот, деления).

— Конечно, это не исключает возможности рассуждать на эту тему. У Платона,

например, целый диалог "Филеб" посвящён размышлениям о том, что есть благо. Но сама возможность этого диалога предполагала отсутствие Откровения, т.е. у участников диалога были сомнения в том, что хорошо, а что плохо. А моё понятие о благе исключает возможность подобного сомнения.

— Если мы откроем Канта, его "Критику способности суждения", один из самых последних параграфов, то увидим, что он продолжает традицию Платона. Благо понимается как счастье (само счастье тоже не определяется), но разумно оправданное счастье, т.е. благо = счастье + справедливость. Это уже мне ближе, но автономность категорического императива, т.е. требования справедливости, невольно вызывает у меня сомнение в объективности требуемой мною справедливости, а вместе с тем и в объективности всего кантовского блага. Нет, мне нужно такое благо, которое было бы моим благом и в то же время не исходило бы из моей ограниченности.

— Гегель в начале своих Лекций сразу берёт быка за рога и понимает благо исключительно как благо-в-себе, т.е. предельно универсальное понятие, которое кроме как "благо" и не определяется.

— А вот как просто рассуждает о благе (правда, косвенно) преп. Иоанн Дамаскин - "отец схоластики". "Следует принять к сведению, что одни вещи хороши, другие же дурны. Ожидаемое благо производит желание; наличное же благо - удовольствие. В свою очередь, ожидаемое зло подобным же образом производит страх, наличное же - неудовольствие. При этом следует иметь в виду, что, говоря здесь о благе, мы имеем в виду как действительное благо, так и благо мнимое. То же самое имеет силу и в отношении зла". (Точное изложение православной веры, гл. XII.)

— Вот, чтобы далеко не заходить в словесных упражнениях, это рассуждение мне нравится больше всего. На нём и остановлюсь: оно лишено, на мой взгляд, недостатков, которые присутствуют у философов. Благо - это 1) то, что доставляет несомненное удовольствие и 2) то, что действительное благо. Осознание же действительности блага должно мне даваться самим этим благом так, чтобы были исключены всякие колебания, проистекающие из моей ограниченной природы. Возможно, это поспешно и нечётко. Но после я ещё подумаю. Во всяком случае, когда молишься в "Отче наш": "но избави нас от лукавого", то здесь (невольно) предполагается избавление не только от явного зла (лукавое - по слав. и означает зло), но и от того блага, которое только мнится как благо (в русском языке слово "лукавый" как раз и ассоциируется с каким-то подвохом, обманом).

— "Вообще, вопрос терминологии для моего мышления очень важен, и в нашей с тобой беседе мне хотелось бы пользоваться словами, обозначающими для каждого из нас одно и то же. Поэтому я попробую сейчас пояснить, какой смысл я вкладываю в некоторые из используемых нами понятий".

Ты прав, конечно. Терминология - наша беда. Это результат разобщённости, атомистичности наших жизней. Мы поневоле требуем чётких определений из-за отчуждённости друг от друга, оттого, что не живём цельной жизнью, хоть ты и подчёркиваешь подчас органичность общечеловеческой жизни. Когда всё цельно и органично - таких проблем не возникает. В моём организме, например, нога не спрашивает руку, что такое "больно": оба эти члена знают это одинаково. Об этой утрате органической цельности в разных областях жизни говорил Флоренский в одной из своих академических лекций: "Идеал цельного знания, столь ясно начертанный Платоном, перестал вести науку даже в качестве кантовской регулятивной идеи. Не Наукою, а науками, и даже не науками, а дисциплинами занято человечество. Случайные вопросы, как внушённое представление, въедаются в сознание и, порабощённое своими же порождениями, оно теряет связь со всем миром. Специализация, моноидеизм, - губительная болезнь века -, требует себе больше жертв, нежели чума, холера и моровая язва. Нет даже специалистов по наукам: один знает эллиптические интегралы, другой -

ратоторий, третий - химию какого-нибудь подвида белков и т.д.

— Но ещё заметнее это разъедающее действие душевного атомизма на других областях. Для многих ли природа не разлагается на ничем не связанные между собой землю, лес, поле, реку и т.д. Да и многие ли за деревьями видят лес? Для многих ли "лес" есть не только собирательное существительное и риторическое олицетворение, т.е. чистая фикция, а нечто единое, живое. Вы недоумеваете на мой вопрос? Но ведь реальное единство есть единство самосознания. Итак, спрашиваю, многие ли признают за лесом единство, т.е. живую душу леса, как целого, лесного, лесовика, лешего? Согласны ли Вы признать русалок и водяных - эти души водной стихии? - Видите, как различна внутренняя жизнь. - Но оставим природу. Посмотрим, как распались начала внутренней жизни: святыня, красота, благо, польза не только не образуют единого целого, но даже и в мыслях не подлежат теперь слиянию... Жизнь расплылась. Какой глубокий смысл в том, что научная психология - бездушная психология (психе - по греч. душа - Дима): ведь и впрямь у людей нашего времени нет души, а вместо неё - один только психический поток, связка ассоциаций, психическая пыль. День мелькает за днём, "дело" - за "делом". Сменяются психические "состояния", но нет цельной жизни. .... (о неинтеллигентной, простонародной, лишённой чрезмерной рефлексии жизни:) Тут целен человек. Польза не есть только польза, но она - и добро; она и прекрасна, она и свята. Возьмите народную жизнь, хотя бы причитание над покойником. Тут - и польза, и добро, и святость, и слёзная красота. Теперь сопоставьте с этим причитанием интеллигентский концерт, и Вы сами почувствуете, как он беден содержанием. Знание крестьянина, - цельное, органически-слитное, нужное ему знание, выросшее из души его; интеллигентное же знание - раздробленно, по большей части органически вовсе не нужно ему, внешне взято им на себя. Он, - как навьюченный скот, - несёт бремя своего знания. И всё, всё - так, в особенности же - язык".

— Ещё хочу добавить, что бывают понятия, относительно которых договориться просто невозможно. Например, понятие "бытие" - один из таких пробных камней или камней преткновения, вписав же "бытие", я сразу затосковал. Ведь для меня благо и есть бытие и наоборот. Это я уже указывал, когда писал, что благо может определяться как понятие предельно абстрактное (и поэтому не может определяться) и может определяться как понятие предельно конкретное (и поэтому тоже не может определяться). Только в религии самое общее и отвлечённое становится самым интимным и конкретным. Но в лексиконе, который мы сейчас с тобой используем, просто нет таких слов, которыми можно было бы это пояснить. Здесь надо было бы исписать уйму страниц, на что я сейчас не способен, либо ограничиться (с тоской сердечной) тем куцым разъяснением "блага", которое я дал выше.

— "Например, понятие "смысла (тождественно - разумная цель) моей жизни", если говорить о всей моей жизни от рождения до смерти, для меня неотъемлемо связано с разумом (не моим, конечно), который эту цель определяет. Если есть цель, значит, указано "куда и зачем", а раз указано, то кто-то указал".

Формально согласен. При этом будем держать в памяти тот факт, что мы не всегда способны воспринять это указание цели. В детстве мы ещё глупы, в сознательном возрасте мы часто бываем как дети, а то и просто спим или в обморок падаем.

— "На отдельных конечных отрезках жизни роль этого указателя может играть мой разум, или разум моих родителей, или разум других людей".

— Не согласен. Указывать тебе цели волен кто угодно, и может случиться так, что указанная тебе родителями или самим собою цель будет совпадать с искомым смыслом жизни, но ведь очень уж изменчив, неустойчив этот указатель (человеческий разум). Я

вправе усомниться в ценности этих указаний, а раз я могу усомниться в них, то могу ведь по-прежнему счесть свою жизнь лишённой полноценного смысла (то что мне указаны относительные цели - в этом нет сомнений, но ведь не о них речь).

— "Ну, а для жизни в целом нужен, естественно, какой-то внешний указатель, именно этот внешний указатель я называю Богом".

Вот и разрешилась проблема предыдущего отрывка. Если мы нашли указатель смысла для жизни как целого, то, естественно, этот же указатель осмыслит и любой отрезок моей жизни (буду я способен внимать этому указанию или не буду - это дела не меняет). Зачем тогда прибегать к заведомо относительным указателям?

— "Мне кажется правомерной и постановка вопроса о "смысле жизни человечества". Допускаю вариант: Бог есть, Он указывает цель всему человечеству, рассматривая его как единый организм (или просто нечто единое), а я являюсь частичкой этого организма, функциональным элементом, имеющим назначение способствовать (т.е. быть средством) достижению цели, поставленной Богом перед человечеством.] В этом случае у моей жизни цели нет, моя жизнь лишь средство. Довольно грустный вариант. Быть хористом... Я склонен к такой точке зрения именно потому, что не могу представить свою жизнь вне человечества... Поэтому-то оно мне и дорого, я неразрывен с ним не по своей воле. Его бессмертие или смерть - это моё бессмертие или смерть. Ты волен назвать моё существование в этом случае бессмысленным (и будешь прав по существу), но я утешусь причастностью к цели человечества. Хуже то, что я не знаю, в чём она, эта цель человечества... Повторяю, это допустимый (с моей точки зрения) вариант, к которому я склонен".

— С моей точки зрения - недопустимый вариант, и напрасно ты к нему склонен. До скобочки] я согласен. Такая постановка вопроса возможна (я не стану вдаваться в тонкости непривычной мне фразеологии: по смыслу я могу согласиться). Но вот после идёт, кажется, какое-то недоразумение. Позволь аналогию.

— Я - организм, состоящий из функционально взаимодействующих элементов. Вне моего эмпирического состава мне при падении с четвёртого этажа как целому положена цель - грохнуться о землю. Но ведь ясно, что каждый элемент моего организма будет не только своим весом способствовать достижению этой вожденной цели, но и сам будет иметь конечной целью землю. Так и с человечеством как целым.

— Разве не ясно, что цель для целого будет целью и для части?

"Но возможен и такой: смысл моей жизни в том, чтобы искать и найти смысл жизни всего человечества. Ты можешь, естественно, заметить: смысл жизни всего человечества я, допустим, найду, а сам-то, будучи средством, без своего смысла останусь. Ответить я, конечно, смогу лишь так: "Ну хоть буду сознательным средством, буду знать, для чего я используюсь".

— Нет, я так не замечу, а замечу то, что я уже не раз и писал: смысл жизни, если он есть, есть для всех и всегда, в том числе и для меня. Найдя смысл своей жизни, я найду тем самым и смысл всего человечества. Найдя смысл человечества, я найду тем самым и смысл своей жизни. Подробнее смотри во всех предыдущих письмах.

— "Кстати об эмоциональной стороне вопроса. Желательность существования смысла жизни у тебя (иногда) встаёт в ряды аргументов его существования. Не хочу быть средством, хочу иметь цель. Не обижайся..."

___Обижаться здесь не на что. Аргументация от желательности весьма остроумна. Так, например, если у меня есть потребность в пище (голод), то, вдумайся, не есть ли это прекрасное и наглядное доказательство существования пищи? Иначе откуда бы эта потребность взялась? Ведь речь идёт не о доказательствах геометрических теорем, где желательность может породить произвол.

___Но обижаться здесь не на что не потому. Об аргументации существования смысла жизни не было ещё сказано ни слова. Был только поставлен вопрос и определена в общих чертах задача. Разве я где-то уже пытался доказывать существование смысла?

___Что до эмоциональности в самом общем смысле, то и слава Богу, что она присутствует. Не о геометрии же, в самом деле, идёт речь, а о живой жизни.

___На этом твоё письмо кончается.

___Как вы там все перебрались в новый год? Не болеете ли в эти морозы? Здесь ужас как холодно. Такого я и не припомню.

___Всего, всего вам хорошего. Целую, Дима.

(продолжение следует)

[Главная страница](#) — [Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)